

ПОСЛЕВОЕННЫЙ
КРИМИНАЛЬНЫЙ
РОМАН

КОРОЛИ ГОРОДСКИХ ОКРАИН

ВАЛЕРИЙ ШАРАПОВ

ШПАНА НА ВЕС ЗОЛОТА

МОСКВА
2023

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Ш25

Шарапов, Валерий Георгиевич.

Ш25 Шпана на вес золота / Валерий Шарапов. — Москва : Эксмо, 2023. — 352 с. — (Короли городских окраин. Послевоенный криминальный роман).

ISBN 978-5-04-190097-7

Послевоенная Москва понемногу оживает. Возвращаются из эвакуации заводы, открываются магазины, шумят многолюдные рынки. На одном из них беспризорники Пельмень и Анчутка попытались расплатиться диковинной монетой, найденной на заброшенном кладбище. Разразившийся было скандал уладил случайный прохожий. Он попросил ребят помочь ему проникнуть в заброшенный склеп и откопать там старинный клад. Обрадовавшиеся беспризорники и не догадывались, на что толкает их этот подозрительный человек и чем обернется для них такая опасная затея...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Шарапов В., 2022

© Оформление. ООО «Издательство

ISBN 978-5-04-190097-7 «Эксмо», 2023

Очередь на досмотр на рейс Москва — Берлин была небольшой, поэтому оставалось время поработать неторопливо, со вкусом. И вкус этот был резиновый.

Чернильная подушечка совершенно износилась, потому приходилось облизывать печать, возить по ней химическим карандашом и потом уже пропечатывать. Во рту — противно, но служба есть служба.

Таможенник исследовал документы очередного пассажира, остался доволен. Спросил с участием и некоторым одобрением:

— На родину решили вернуться?

— Да, — чисто, почти без акцента, ответил тот.

Это был худосочный, до скрипа чистый тип в безжалостно отглаженном и откровенно ветхом костюме, безукоризненно выбритый, даже

попахивающий чем-то вроде хлорки. Из пожитков при нем был лишь дешевый фанерный чемоданчик.

— И вот так вот налегке? — для очистки совести спросил таможенник.

— Да, — снова ответил немец.

«Ты глянь, идейный. Другие хоть в Сухуми, хоть в Магадан, лишь бы не в Германию, а этот... и скарбу-то у него — с гулькин нос. Спартанец, да и только».

Он еще раз просмотрел документы: Риль Николаус Мария, инженер, 1901 года рождения, место рождения — Берлин, место прописки на территории СССР — Московская область, Электросталь. Потом все-таки попросил открыть для досмотра ручную кладь. Простая формальность.

Немец без тени раздражения отщелкнул замки:

— Пожалуйста.

Таможенник быстро, по возможности бережно провел досмотр вещей, которых оказалось крайне мало. Набор стандартный: немного белья, теплый свитер, зачем-то ушанка...

— Уши отморожены, — пояснил немец, уловив немой вопрос таможенника.

— Понятно.

«Так, паяк, буханка черного хлеба, три бутылки воды — хватит на весь полет. Ничего, опытный товарищ».

— Играете? — таможенник с уважением указал на турнирную шахматную доску — красивую, явно ручной работы.

— Да, — не оригинальничая, снова подтвердил тот.

— Любопытная штука, — подал голос второй сотрудник, улыбчивый, со сверкающими стальными зубами, все это время стоявший молча. — Можно взглянуть?

— Пожалуйста, — повторил немец.

Таможенник осмотрел доску, бережно открыл ее, полюбовался шахматами — они-то как раз выглядели на удивление ordinary на фоне такого вместилища, — извлек увеличительное стекло, исследовал поверхность доски уже с его помощью.

— Простите, что-то не так? — вежливо заинтересовался немец, впервые проявляя нетерпение. — Боюсь опоздать на рейс.

— Поэтому-то и рекомендуется прибывать на аэродром заранее, чтобы пройти все формальности, — охотно напомнили ему. — Документы на этот кунстверк имеются?

Немец пожал костлявыми, как вешалка, плечами:

— Нет. Это же просто шахматная доска.

— Если бы это была просто шахматная доска, дорогой товарищ, вы бы тут не стояли. Не откажетесь пройти в комнату для детального досмотра?

Бывший начальник одной из лабораторий предприятия «Ауэргезельшафт», «эвакуированный» ранним октябрьским утром 1946 года по маршруту «армейские грузовики — поезд — СССР» герр Николаус Риль не возражал. Он был бы не прочь прямо сейчас вернуться в ставшую родной Электросталь и совершенно позабыть о родине лет эдак на сто.

— Что скажете, Андрей Николаевич?

Профессор Князев, искусствовед, признанный эксперт в древнерусском наследии и русской живописи, снял очки, потер переносицу:

— Что скажу... Для того чтобы утверждать что-то с уверенностью и окончательно, я бы удалил нанесенные слои.

— Боюсь, это невозможно. Тем самым уничтожим следы возможного преступления.

— А, вы про это. Ну да. На Соловках я видел подобные досочки турнирного формата. Еще в двадцатых годах. Вырабатывались на

экспорт. Правда, там материалом служила, скажем прямо, мелочовка, извините, подножная, да и уровень обработки — стиль «абы как». А тут, дорогой товарищ, сработано чисто, а в основе, рискну предположить, или кто-то из учеников Симона Ушакова, или он сам.

— Вот это номер! — Таможенник поглядел на шахматную доску, бережно разложенную на чистом полотне, покачал головой: — Форменное варварство. Распилить такую древность, да еще и краской вымазать...

— Зря вы обижаете неизвестных... или уже известных?

— Нет, пока нет. Немец утверждает, что купил набор с рук в Столешниковом переулке. Как бы на память.

Профессор покусал дужку очков:

— В любом случае не наговаривайте на неизвестных умельцев. Все сделано в лучшем виде, исключительно деликатно. Грамотный, понимающий реставратор вполне может вернуть этой реликвии первоначальный вид. Будет не хуже, а то и лучше прежней. Ловко, ловко придумано. На экспертизу мне отправите?

— Как всегда.

1

Пробил очередной час икс. И снова Колька, вызывающе задрал нос, насвистывая нарочито веселый мотивчик, шагал в отделение отмечаться. Ритуал, подлежащий соблюдению, был уже знаком и хорошо обкатан: прийти, снять фуражку, поздороваться. Поморгать честными глазами, выслушать наставление типа: «Верной дорогой идете, товарищ» — в исполнении Остапчука или Палыча. Поставить птичку, где укажут. Отправиться в ремесленное. Все бодро, задорно, чуть ли не по-суворовски.

Беда в том, что не было сегодня ни бодрости, ни задора, ни тем более суворовской уверенности в том, что все будет как следует. Не радовали ни летнее солнце, уже к девяти утра раскошегарившее окрестности чуть не до плюс тридцати, ни птичий гомон, ни набитое с утра брюхо (и ведь отменный омлет маманя состряпала). И дали,

которые обычно перед выходными были распланы исключительно синим и розовым, теперь брюзгливо серели.

С очередной смены отец пришел подшофе.

Нет, не так.

Подшофе он приходил вот уже второй месяц как, а вчера приполз на бровях. Причем если обычно он, понимая свою вину, держался тихо и виновато, то теперь завалился быдлан быдланом, заставил мать среди ночи варить ему яйца, непременно всмятку, и долго орал, что переварила. Проснулась Наташка, досталось и ей: затолкал на табуретку, чужим голосом — склочным и визгливым — настаивал на чтении стихов революционного содержания. Колька этого не видел, но слышал рассказ Филипповны на лавке. И, что самое плохое, на этот раз тетка Анька не заливала.

Когда же спустя час Колька вышел на свет, соседки встретили его претензиями: мол, всем в уборную надо, извлекай родителя. Мама тихо, бесслезно плакала в уголочке, Наташка рассерженно закопалась обратно в кровать, а отец, как выяснилось, мирно почивал на полу общей уборной, порядочно загадив все вокруг.

Это было не то что унизительно, но очень обидно. И, конечно, грязно. Колька, не без труда

приведя отца в вертикальное положение, потащил его во двор, поближе к колонке, справедливо полагая, что при рецидиве хотя бы замать будет проще. Мать торопливо убиралась, со слезами просила прощения, хотя ее никто ни в чем не обвинял. Напротив, соседки быстро сменили гнев на милость и принялись помогать.

На свежем воздухе да под ледяной водой отец быстро пришел в себя, это стало ясно по изменившемуся взгляду — он стал как у побитой собаки.

— Я сейчас, — бормотал он, хватаясь руками, — чего это я, в самом деле... сейчас. Я туда.

— Сядь покамест, — посоветовал Колька самым обычным голосом, хотя на душе было погано так, что словами не описать. — Пап, сейчас не надо никуда. Отдохни. Я с тобой посижу.

Отец, опершись локтями о колени, уронил голову и то ли забылся, то ли заснул. Колька, в очередной раз плюнув на воспитание твердого характера, закурил. Когда ядреный аромат дошел до забитых отцовских ноздрей, он поднял голову и попытался изобразить суровый родительский взор. Сын сначала не понял упрека, потом лишь отмахнулся:

— А! Ты вон пьешь...

Игорь Пантелеевич кивнул, сокрушенно, с истинным раскаянием, и снова уронил голову. Чего тут проповеди читать, кто он такой — не отец, не пример — позор несмываемый. Но ведь так надо было объясниться, оправдаться, снять с себя хотя бы немного этого чугунного стыда.

— ...и тут тварь эта, полицай, губехами своими шамкает: «Шта, боевой летчик, обделался по полной, теперь обтекай. Меня народ простил, я не по своей воле, по малодушию под немца пошел, а ты, почитай, все равно что перешел на их сторону, и потому гнать тебя со сторожев надо по причине того, что ты все равно что предатель»...

— Кто это говорит? Этот ваш... прощенный? — Колька даже имени этого произносить не хотел.

При промтоварах работал грузчиком (не сказать — подъедался) тип, который до войны еще уехал на сытые украинские хлеба, «трудился», как было точно установлено, полицаем. Однако какими-то путями — блат не блат, фарт не фарт — умудрился доказать, что, служа врагу, на самом деле поставлял ценные сведения местному партизанскому отряду («а то, что отряд разгромили вскорости, — это, извините, ошибка командования и перегибы»).

Вообще вел он себя тише воды, оно и понятно. Но стоило принять на грудь, и из него перло таким духом, что нормального человека воротило. Квартировал этот свищ у одной известной алкоголицы, сожительница лупила его смертным боем, поэтому он храбрился вне дома. Теперь вот решил докопаться до Пантелеича, который пусть и из образованных, а вот, получается, куда хуже его, прощенного народом полица, который и в плену «ну, фактически» сумел соблюсти непорочный облик...

Колька, выслушав сбивчивую исповедь отца, скрипнул зубами:

— Где этот баран непорочный? Сейчас он у меня того... соблюдет по сусалам.

Но отец, уже подрастерявший хмель, замахал руками:

— Сынок, что ты, что ты! Сиди тише воды ниже травы. Пусть его... сам сдохнет. Нельзя.

...Вот так вот все и было. Отец с утра остался отсыпаться до следующей смены, а Колька, пиная сплюсненную консервную банку, пошел отмечаться.

«Нельзя. Нельзя. Нельзя ничего исправить. Как бы ты ни старался, единожды оступившись, все равно по жизни виноват. Точь-в-точь как

вот эта банка — она и на посуду-то не похожа, сплюснутая, изуродованная, и ничего-то нового в нее не нальешь, и вряд ли она когда снова станет банкой».

— Что это ты, тетка, больно суровый, — отметил Сорокин, который сегодня нес службу единолично, расшугав подчиненных по заданиям, — не выспался?

— Нормально все, — отрезал Колька.

Однако от Сорокина, если уж он что заприметил, отвязаться было трудно. Вечно этому одноглазому больше всех надо.

— Товарищ поднадзорный, мне нужно промеж тебя вести воспитательно-просветительную, а заодно и профилактическую работу. Что стряслось, Коля, выкладывай. На учебе что? Мастер тебя хвалит, по месту прописки характеризуюешься положительно. Таким макарком скоро можно будет подавать на условно-досрочное, а там и на снятие.

— Все нормально, говорю, — упрямылся парень, но в разобитую голову вдруг проникла светлая мыслишка: «Не чужой ведь человек, не паскудник какой, чего бояться?»

И он решился:

— Николай Николаич, а что мне это условно-досрочное, снятие? Все равно уж. Так и так получается — пятно на мне на всю жизнь.

Сорокин удивился:

— Это что за разговоры такие? У тебя что, свой собственный закон уголовный или ты в какой иной стране живешь, не в советской? Сказано...

— ...а что сказано? — заедался Колька. — Сказать что угодно можно и написать тоже, а на деле — все одно — никто не забудет, что квартирки обносил, и десять лет спустя помянут. И не возьмут ни на работу достойную, ни на учебу. Мне только фамилию меняй да вербуйся в Сибирь или в Казахстан какой.

— Стало быть, нет справедливости в Стране Советов? — уточнил Сорокин, хмурясь и кривя губы, чтобы не улыбнуться.

Колька хотя и не смотрел на капитана, ощущал: смеется гад. Ребячество, думает, не понимает мелкий. Надо было бы гордо встать, откланяться и хлопнуть дверью, но снова какой-то светлый червяк точил: скажи, скажи, открой душу, не выпендривайся.

— Батка мой, с образованием, в плену не по своей воле оказался — и то его гнобят все кому не лень. Сторожем трудится, спивается на глазах. Даже этот, полицай недорезанный, зубы на него скалит. Тут честного человека, фронтовика со свету сживают, а уж меня и подавно... А, да чего

там. Где тут у вас отметить? — Расписался, махнул рукой: — Пойду, — и направился к выходу.

Сорокин хлопнул по столу:

— А ну, стой! Я тебя не отпускал.

Встал, прикрыл дверь, указал на стул:

— Сядь. Рассказывай.

— Что?

— Что знаешь.

— А что я знаю? — огрызнулся парень. — Небось вы поболее моего знаете, какие разговоры с батей вели.

— Нет, не знаю, это другая служба, — отрезал Сорокин. — Значит, так поступим: отцу скажешь, как проспится... тихо, я говорю. — Колька захлопнул открытый было рот. — Так вот, как в себя придет, пусть заглянет ко мне. Ко мне только, понятно? Именно ко мне, не к Палычу, не к Саньчу. Погоди, сейчас повестку выпишу, персонально.

И, быстро заполнив бланк и поставив удивительную свою закорючку — множество росчерков, петель и кружев, — вручил Кольке.

— Прямо сейчас иди и отдай, понял?

— На занятия опоздаю.

— Хорошо, сейчас и тебе бумажку накатаю, — черканув пару строк и сложив листок, передал и вторую «индульгенцию». Потом вздохнул: —

Что же делать, все у нас на бумажках, идем на поводу у бюрократии. — Но, спохватившись, строго заявил: — Потому что должны быть порядок и социалистическая законность. Потому как пока нельзя иначе. Усек?

— Так точно, — заверил Колька.

— Да, и вот еще что. Не вздумай перед отцом нос задирать. Пьет не пьет, а он — отец, его следует уважать.

— Чего ж тогда мне бумажку отдаете? Позвали бы его со всем вашим уважением.

— Мое уважение — это мое дело, кому хочу — тому оказываю, — отбрил Сорокин, — а тебе отдал не потому, что твоя персона чем-то лучше или понимает больше. Исключительно жалеючи батю твоего. Ты его сын, он — твой отец и тебя любит. А раз любит — то скорее послушает. Понял? Свободен. — И отпустил Кольку начальственным кивком.

2

Свежей летней ночью Оле снился удивительный сон — цветной и яркий, сказочный, пусть и без малейшего сюжета: красочные мазки самых разнообразных оттенков складывались и, рассыпаясь, преображались в нечто совершенно новое.

То одна картинка перед глазами возникает, то вдруг что-то из нее пропадает и вроде бы рушится все, ан нет — выстраивается совершенно иное. Как в мозаичной подзорной трубе.

А главное — оттенки. Все оттенки зеленого, голубого, золотого, пурпурного — и было их необыкновенно много, и были они такие разнообразными. Вдруг пришло ясное понимание: на самом-то деле это не цвет, а лишь отражение света, властно преодолевающего все преграды да еще и придающего преградам новый смысл и облик.

От всего созерцаемого во сне великолепия вполне ощутимо заболели закрытые глаза и голова, и пришла мысль, что все это надо прекратить, и немедленно.

Только стоило подумать так — как прохладная мамина рука легла на голову, упоительно запахло свежим какао — да сегодня еще и на молоке! — и нежный голос, точь-в-точь как в далеком детстве, проговорил:

— С добрым утром, доченька. Просыпайся.

Довольно улыбаясь, потягиваясь, Оля порадовалась: «Неужели все наконец-то наладилось. Хорошо-то как!»

В самом деле, то ли Вера Вячеславовна приобрела наконец необходимую сметку и управлен-

ческие навыки, то ли просто, по-детски, как-то само все «наладилось». А скорее всего, мама наконец-то осознала, что работа — это очень важно, но она — далеко не все. В любом случае прошли те времена, когда их с дочкой общение сводилось к сухому: «На работе чепэ, я ушла».

Как-то сами собой в Олин распорядок дня вошли утренние и вечерние посиделки с мамой за чашкой ароматного чая или какао (иной раз и ненастоящего, но пусть, душевность компании полностью восполняла этот недостаток). Возможно, повлияли и беседы лейтенанта Акимова, который теперь нередко укреплял связи с населением и проводил профилактические мероприятия, сосредотачивая свои усилия именно по их адресу.

Мама только отшучивалась и отмахивалась: «Ой, ну перестань», но чуткая Оля не могла не заметить, как при визитах Палыча мамин взгляд смягчается, как становятся более плавными ее движения, а строгий костюм вдруг неожиданно дополняется ярким платочком.

И, конечно, цветов в доме становится вдвое больше. Какой-то особый смысл был в этих, возможно, никчемных, но трогательных преподношениях, которые и «ремесленник» Коля, и оперуполномоченный лейтенант Акимов со-